Пираты Ледового моря

Автор:
Фрида Нильсон

Пираты Ледового моря

Фрида Нильсон

Сири десять лет. Она живет вместе с отцом и семилетней сестренкой на маленьком острове далеко на севере. Как и любой ребенок в этих краях, она знает, что надо остерегаться пиратов. Ведь пираты крадут детей и заставляют их работать на алмазных рудниках. Однажды беда пришла и к Сири. Пираты похитили ее маленькую сестру. Сири должна ее спасти. И девочка отправляется в опасное и долгое путешествие…

«Пираты Ледового моря» уже изданы на 10 языках, в более чем 10 странах. Книга для детей младшего и среднего школьного возраста, а также их родителей.

На русском языке публикуется впервые.

Фрида Нильсон

Пираты Ледового моря

Информация от издательства

Издано с разрешения Frida Nilsson and Natur & Kultur

Перевод со шведского языка Ольги Мяэотс

Возрастная маркировка в соответствии с Федеральным законом от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ: 12+

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельца авторских прав.

Original title: Ishavspirater

Copyright © Frida Nilsson and Natur & Kultur, 2015 Published in agreement with Koja Agency

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2018

* * *

Мики

Эта история о моем плавании по Ледовому морю. Случилась она, когда мне только-только исполнилось десять. В середине ноября в наш залив приплыли на отдых киты. Над их блестящими спинами висели облака водяного пара, а

горизонт на несколько дней затянуло красивым белым густым туманом.

В Синей бухте, где я жила, зимы выдавались такие холодные, что паруса кораблей заледеневали от мороза. Однажды я нашла на берегу баклана. Он не мог летать, потому что крылья окоченели. Я отнесла его домой. Папа умеет ухаживать за всяким зверьем. Через несколько дней мы выпустили птицу на волю.

Папа вообще прекрасно ладит со всем живым в природе. А знаете, что висит у нас на стене в кухне? Такое не в каждом доме найдешь – кусочек хвостового плавника русалки! Он совсем небольшой – размером с уголок носового платка, розоватый и покрыт мехом. Русалка угодила к папе в сеть, когда он ловил треску. Она кричала от страха и била хвостом. Наверное, испугалась, что ее не отпустят. Но папа, конечно, ее выпустил.

– Одно дело треску ловить, и совсем другое – выловить русалку, – сказал он. – Это никуда не годится.

Так что, когда русалка немного успокоилась, папа осторожно выпутал ее из сети и отпустил на волю. Но кусочек плавника отломился и остался лежать на палубе. Он-то теперь и висит прибитый к доске у нас в кухне. Мы с Мики обклеили доску галькой, чтобы получилась рамка.

Мики – моя сестра. Это ради нее я отправилась в плавание по Ледовому морю. Потому что есть люди, которым что треску поймать, что русалку – все одно, они еще не на такое способны! В наших краях в былые времена пираты так и рыскали по морю – страшные и злющие, от таких добра не жди.

– Расскажи про Белоголового, – просила меня Мики по вечерам, когда мы укладывались спать на раздвижную кровать. Папа лежал в горнице и храпел так, что дом ходил ходуном.

– Ты же потом не уснешь, – отнекивалась я. – Будешь полночи реветь и мне спать не дашь. А утром будем обе носами клевать.

– Ну пожалуйста! – шептала она в самое мое ухо. – Обещаю, что усну. Расскажи, добрая-предобрая Сири!

И я в конце концов уступала. Всякий раз я начинала рассказ про Белоголового так:

– Есть один человек, который использует детей как скот. В том месте, где у других людей душа, – у него дыра, холодная, как ледяная пещера.

– Он самый холодный человек на свете, – подхватывала Мики. Она просто не могла удержаться, чтобы не вставить хоть словечко – ведь она знала эту историю не хуже меня.

– Да, самый холодный, холоднее не бывает, – кивала я. – Он же капитан пиратов. Волосы у него белые как снег, и длинные – почти до пояса, но он их завязывает узлом, словно благородная дама какая.

– Почему?

– Боится, что волосы замерзнут и отвалятся. Те, кто поступает на службу к Белоголовому, становятся пиратами и делаются сказочно богатыми. Знаешь почему?

– Белоголовый отдает им все награбленное добро.

– Верно. Все золото-серебро, а еще – железо, меха, сундуки с деньгами и драгоценностями. Пираты делят добычу между собой. Белоголовый себе ничего не берет. Ему нужны только…

Тут у меня начинает сосать под ложечкой – всякий раз, как я подхожу к этому месту.

– Ему нужны только дети. Маленькие и худенькие – чем меньше, тем лучше. Как только пираты сцапают такого малыша, сразу тащат на корабль.

– А какой у них корабль?

– Белый, с тремя мачтами. А на носу вырезанная из дерева голова ворона с раскрытым клювом. Поэтому корабль называется «Снежный ворон».

– Но все говорят просто «Ворон».

– Да, почти все так говорят. И на этом «Вороне» пираты плавают на остров Белоголового.

– А где он находится?

– Где-то далеко, на западе. На самом краю света. Если пойдешь дальше – свалишься за горизонт. Ты ведь слышала такое название – Портбург?

– Да, – шептала Мики.

– Известно тебе, что это за местечко?

– Это поселок. Большой, с мощеными улицами. Туда приплывают пираты, чтобы пьянствовать, драться и…

– Ну да. Не уверена, приплывают ли они туда, чтобы драться. Но точно знаю: этот Портбург – малоприятное место, где собирается всякий сброд. Морские разбойники всех мастей и всякое жулье – те, кто всегда рад отнять денежки у других. Но хуже всех – те, кто прибывает туда, чтобы устроиться на корабль Белоголового. Видимо, остров Белоголового где-то неподалеку от Портбурга.

– А что случается с детьми, которые попадают на его остров? Что их заставляют делать?

– У Белоголового есть рудник, – объясняла я. – Большая, страшно глубокая шахта.

– Что это за рудник? – спрашивала Мики.

– Никто не знает. Но говорят…

– Говорят, это алмазная шахта!

– Верно.

– И что там в земле алмазов видимо-невидимо, некоторые – величиной с яблоко, – продолжала Мики.

– Да, по крайней мере, так говорят. А еще – что там есть надсмотрщица, женщина, она следит за всеми детьми. Но на самом деле она…

– …дочь Белоголового. У нее все зубы алмазные – полный рот!

– Да. А сам Белоголовый пьет вино из кубка, вырезанного из огромного алмаза. Ты ведь знаешь, Мики, какие они дорогущие?

– Угу.

– За бриллиант размером с горошину можно весь наш остров купить.

– Но почему ему для работы в шахте нужны дети? Разве нельзя нанять взрослых?

– Причины точно никто не знает, – отвечала я. – Только представь себе, Мики: им приходится ползать там в темноте с утра до ночи! Колени в кровь стираешь, и ладони все в царапинах. Ни один ребенок долго так не протянет: либо спину надорвет, перетаскивая тяжести, либо чахотку заработает от сырости. А еще можно сойти с ума от вечной тьмы, тогда тоже конец.

Мики ежилась.

– Это хуже всего… – шептала она.

– Да, – соглашалась я. – Если пираты украдут ребенка и утащат в эту шахту – хуже ничего представить нельзя.

Так я обычно заканчивала свой рассказ о Белоголовом.

Но когда мы лежали вместе на кровати, все это представлялось почти сказкой. Нам казалось, что такое может случиться только с другими – с какими-нибудь несчастными сиротками. Конечно, мы до смерти боялись пиратов, но не верили, что самим придется с ними повстречаться. Разве могла я представить, что Белоголовый вцепится своими когтями в мою сестренку?

Железное Яблоко

А теперь я расскажу про один день на острове Железное Яблоко. Мне его никогда не забыть – присосался к памяти, словно пиявка, не избавиться теперь во веки вечные.

В то утро мы собрались за ягодами, я и Мики. Мы уже стояли на пороге, но папа неожиданно посмотрел на нас с тревогой и произнес:

– Почему бы и мне не пойти с вами?

Он еще был в одних кальсонах.

– Тебе не хватит сил, – сказала я. – Ты же сам знаешь. Завтракай пока, а мы вернемся к обеду.

Папа посмотрел на бутерброд с холодной отварной треской.

– Я не голоден, – пробормотал он. – Не нравится мне, что вы одни уходите. Так не годится.

– Но другого выхода нет, – отвечала я, натягивая шапку. – Есть-то нам что-то надо.

Тогда он посмотрел на меня большими водянистыми глазами.

– Будь я помоложе… – вздохнул он. – В прежние-то годы я мог дни напролет проводить в море, греб так, что пена разлеталась во все стороны. И возвращался домой с яйцами и рыбой, чтобы вы могли наесться досыта. А случись мне повстречать Белоголового – от его проклятой шхуны одни щепки остались бы.

Он смахнул кулаком слезы с глаз.

– Не бойся, – сказала я. – С Железного Яблока отличный обзор во все стороны. Если заметим «Снежного ворона», живо вскочим в лодку и погребем домой. Мы успеем.

Мики поежилась. Папа покосился на дочь – видно было, что ему хотелось удержать ее дома. Но вдвоем с сестрой мы управились бы в два раза быстрее и набрали бы больше ягод, так что он промолчал.

Я погладила его по щеке.

– Милый Веткин, – сказала я, – не волнуйся. Мы вернемся быстрее, чем ты думаешь.

Мы прозвали папу Веткиным. Он был высокий и худой. И у него была привычка повторять, что если он потеряет нас с Мики, то сломается, как ветка.

Железное Яблоко – совсем крошечный островок. Мы его считаем почти своим собственным. В наших краях так заведено: у каждой семьи есть островки, где можно охотиться и собирать грибы-ягоды, никому не перебегая дорогу. Мы с Мики поплыли на ялике. Море в тот день было серым и спокойным. Но в воздухе чувствовалась зябкая морось. Весь мир словно был нарисован молоком – это ноябрьский туман вползал на сушу.

– Расскажи, как папа и мама встретились, – попросила Мики. Она сидела, перегнувшись через борт, и смотрела в воду.

– Я уже тысячу раз рассказывала!

Она оглянулась.

– Ну еще разик, Сири, милая!

И я начала рассказ, потому что заметила, что сестренка напугана, и хотела ее отвлечь.

– Папа вышел в море ставить сети. Вдруг начался шторм, и он упал за борт. Рядом не было никого, кто бы мог прийти ему на помощь. Вода была ледяная, и он наверняка бы скоро замерз до смерти. Но вдруг сквозь пену волн он различил островок и поплыл к нему.

– Тогда он мог хорошо плавать?

– Да, это было давно, еще до нашего с тобой рождения. Он тогда был самым сильным в поселке.

– Но он не смог выбраться на берег?

– Нет, берег оказался слишком крутым. Папа решил, что надежды больше нет, волны вот-вот поглотят его. Но тут появилась мама. Она жила одна-одинешенька на этой шхере и как раз вышла ловить рыбу.

– Пальцами ног?

– Ну да. Она так всегда ловила. Рыба клевала будь здоров! И вдруг кто-то ухватил ее за палец. Это был папа. Мама вытащила его. Он был в два раза ее старше, но остался с ней на острове на семь лет. Когда родилась я, они перебрались в поселок.

– А потом родилась я.

– Ну, не сразу. И ты не торопилась. Чтобы появиться на свет из маминого живота, тебе понадобилось три дня и три ночи.

Мики опустила палец в воду, волны накатили на ладонь, и рукав намок.

– Почему она умерла?

– Потому что заболела.

– Из-за моего рождения?

– Нет. Не поэтому, а потому… ну, умерла, и всё.

Это была не совсем правда. На самом деле мама умерла потому, что Мики так долго тянула с появлением на свет. Но об этом мы никогда не говорили, и никто Мики не винил. И мама была рада ее рождению, это уж точно. Она сказала, что здорово получить дочку, за которую пришлось столько побороться. Но сама прожила потом лишь неделю.

Мы подплыли к Железному Яблоку. Остров был окружен плотным кольцом тумана. Я вытянула шею. Увидеть, что творится вокруг, не было никакой возможности. Хорошо, если разглядишь, что у тебя под ногами.

У каждой из нас была своя корзина для ягод. Белая ягода – очень кислая, она созревает поздней осенью. Если сложить ягоды в кувшин и залить водой, они могут храниться долго. А если раздобыть мед, то можно сварить вкусное варенье.

Но собирать ягоды на Железном Яблоке мешали китовые куры. Летом птицы не опасны, китовые петухи плавают отдельно в других местах, и можно спокойно искать яйца и есть их. Но поздней осенью самцы возвращаются. И вот тогда появляются птенцы, вылупляются в самые трескучие морозы. Когда китовые куры высиживают птенцов, они становятся как бешеные – нипочем не подойдешь. Я знаю одного дядьку в Синей бухте, которому они кончик носа откусили: у китовых кур сильные зубатые клювы, такие мощные, что они могут ими камни крошить, а уж нос оттяпать – и подавно. Птицы глотают камни, чтобы стать тяжелее: так проще нырять за рыбой на глубину. Китовые куры здоровенные, им нужно много еды – одна птица весит не меньше пятнадцати кило. Оперение у них плотное, черное в крапинку, а на крепких лапах – когти и толстые перепонки для плавания.

Если не хочешь, чтобы китовые куры на тебя напали, не показывай виду, что испугался. У Мики это плохо получалось. Ей было всего семь, чего ждать от такой малявки? Но я все же держалась с ней строго. Мы все утро искали ягоды, а собрали лишь несколько горсток. Тогда я велела Мики идти на другую сторону острова и поискать там.

Она посмотрела на меня своими серыми глазами. У нее выпало несколько передних зубов, но снизу уже торчал, словно осколок льдинки, новенький зуб.

– А ты не пойдешь со мной? – спросила она. – Я не хочу уходить так далеко одна.

– Не будь нюней. Это нисколечко не далеко.

Мики повернулась и, прищурившись, осмотрела каменистый остров. Порыв ветра растрепал ее густые черные волосы. Я испугалась, что она вновь начнет хныкать.

– Тебя что, прикажешь за ручку держать, даже когда ты пописать идешь? – спросила я. – Пошевеливайся, так мы никогда домой не вернемся!

Она поежилась и нехотя побрела по склону. На ней были зимние сапоги – те самые, которые я носила в семь лет.

Тут я заметила что-то белое на полянке и побежала туда. Мне повезло: там все было усыпано ягодами! Я бросилась их собирать и вскоре набрала в два раза больше, чем уже было в корзинке. Я трогала ягоды, пропускала их сквозь пальцы. Такая радость – полная корзина!

Вдруг с другой стороны острова донесся крик. Сначала я лишь вздохнула: решила, что Мики просто испугалась кур. Но потом внутри у меня что-то словно оборвалось: никто больше не кричал, а это на сестренку не похоже. Слышен был лишь вой ветра. Я подхватила корзину и поспешила на тот край острова.

– Мики! – звала я.

Никто не откликался. Тут уж я припустила не на шутку. Я отлично знала, какие у этих кур острющие клювы, и мне не хотелось возвращаться домой с безухой сестренкой.

– Мики! – крикнула я еще громче.

Не получив ответа, я помчалась по камням быстрее ветра.

Когда я прибежала на тот берег, там было пусто. Никого: ни сестренки, ни кур. Зато ветер разогнал туман. Я хотела уже позвать в третий раз, но тут заметила в море шлюпку. В ней сидели четыре человека и с ними была… Мики! Рот ей

замотали какой-то тряпкой, один дядька держал ее крепко за локоть. Лодка уплывала все дальше и дальше. Корзина выпала у меня из рук, и ягоды рассыпались по земле. Я хотела крикнуть снова, но тут заметила корабль – большой настоящий корабль. Слова застряли у меня в горле, словно испугались выходить наружу. Может, догадались о страшном злодеянии, которое свершалось там, в растревоженном море. Три мачты, прямые, как пики. Корпус судна – белый и овальный, как яйцо. Паруса колыхались на ветру, а на носу красовалась деревянная голова ворона с раскрытым клювом. Это был «Снежный ворон» Белоголового! Тот самый корабль, которого мы так боялись! Тот, о котором люди в Синей бухте перешептывались так часто, что их рассказы начинали казаться простой выдумкой. Ох, если бы это и впрямь было сказкой!

Я различила людей на палубе. Кто-то сбросил веревочную лестницу к причалившей лодке. Сперва пираты подняли Мики, а следом забрались и сами. Шлюпку они привязали на корме. Тем временем ветер над Железным Яблоком задул еще сильнее. Корабль медленно развернулся и взял курс на горизонт. Еще чуть-чуть – и они скроются из виду. Когда я поняла это, голос вернулся ко мне.

– Мики, не бойся! – крикнула я что было мочи.

Но ее уже увели с палубы в трюм. Двое матросов оглянулись, они заметили меня и сказали что-то рулевому. Возможно, спрашивали, не стоит ли им вернуться и забрать и меня. Но человек у руля, подумав немного, покачал головой и, отвернувшись, вновь стал смотреть в море. Интересно, может, сам Белоголовый стоял где-то поблизости и видел меня? Или он сидел у себя в каюте и мечтал об алмазах, которые добудет ему новая пленница?

Почему баклан возвращается

Никогда я не бежала так быстро, как в тот день. Казалось, сапоги едва касаются земли. «Только не бойся!» – единственное, о чем я тогда думала. Не бойся, Мики, я приведу помощь! Когда люди в поселке узнают, что случилось, они все побегут за своими ружьями и выйдут в море, чтобы привезти тебя домой.

Я спрыгнула в ялик и схватила весла. Корзина так и осталась на острове. Ветер дул в лицо. Весь мой страх словно ушел в руки и заставлял грести что было силы. Ялик буквально летел по волнам. И все-таки то плавание казалось мне вечностью. Ужасная ледяная вечность, от которой сосало под ложечкой.

Наконец я доплыла до нашей бухты. Пару дней назад здесь встало на якорь грузовое судно, да еще у рыболовного причала покачивалось несколько суденышек поменьше: некрашеные, с одной-единственной мачтой – такие у нас в Синей бухте рыбацкие лодки.

На причале было полно народу – ссутулившиеся мужчины и женщины в серой одежде: кто-то чинил мачту, кто-то смолил борта, кто-то, вернувшись с рыбалки, латал парус. Один смеялся над чьей-то шуткой, а другой ругался, распутывая сети.

Я заметила Улава. Это был папин друг, они часто рыбачили вместе. Он разделывал треску. Поодаль стояла чайка и смотрела на чешую и внутренности, валявшиеся на земле. Пришвартовавшись, я выскочила на причал. Улав поднял нож в знак приветствия.

– Ты, похоже, спешишь! – заметил он и улыбнулся. – За тобой что, креветка гонится?

– Мне надо скорее домой, – только и успела я ответить, пробегая мимо. – Папа…

– Твой отец здесь! – крикнул мне Улав вдогонку.

Я обернулась. Он указывал ножом куда-то себе за спину.

– Борется с сетью.

И правда, там, прислонившись к стене сарая, сидел папа и пытался починить снасть. Он замерз, пальцы плохо его слушались, и веревки только больше запутывались.

– Папа! – крикнула я.

Он поднял глаза и улыбнулся: он всегда радовался, когда видел меня или Мики, говорил, что мы, как два маяка, способны осветить любую темноту, даже самую-самую мрачную. Но когда он заметил, что я плачу, улыбка исчезла с его лица.

– В чем дело?

Я бросилась к нему в объятия.

– Они увезли ее! Папа, это все я виновата!

Он посмотрел на меня. Большие водянистые глаза наполнились тревогой.

– Что ты такое говоришь? Где Мики?

Люди вокруг нас отложили дела и искоса на нас поглядывали, а Улав подошел поближе. Я плакала и плакала, слова во рту превратились в кашу:

– Мы были на Железном Яблоке… Я послала ее собирать ягоды на другой стороне острова, а там… там, оказывается, была лодка. Они похитили Мики… увезли с собой на корабль… Вот.

Папа ничего не сказал. Он смотрел на меня так, словно сам стал ребенком, словно не понимал языка, на котором я говорила. Но тут вмешался Улав, он подошел, держа в руке наполовину выпотрошенную треску.

– Кто похитил ее, Сири? Что это был за корабль?

– «Снежный ворон», – ответила я, стараясь говорить громче, чтобы и другие тоже услышали. В одну секунду все, кто был в гавани, застыли в молчании. – Мою сестру похитил Белоголовый! Надо скорее догнать его и отобрать Мики.

Но люди лишь мрачно посмотрели на меня. Никто не сказал ни слова. Никто не крикнул: скорее в погоню за тем кораблем! Никто не побежал за ружьем.

– Надо спешить! – крикнула я. – Они плывут на запад. Наверняка уже у Тюленьих шхер!

Но никто не пошевелился. Все отводили взгляд, смотрели в землю, что-то бормотали друг другу. Наконец один сказал:

– Тот, кто попробует догнать «Снежного ворона», может считать себя покойником.

– Верно! – выкрикнул другой. – Там у него на корабле шестнадцать пушек. Пираты подстрелят любого, кто попробует приблизиться к судну, – им это запросто!

– Никто не сможет победить Белоголового!

Улав опустил ладонь мне на плечо, от нее пахло рыбой.

– Сири, – сказал он и печально посмотрел на меня, – твоя сестренка пропала. Так бывает со всеми, кого забирает Белоголовый. Их… больше нет.

Но тут кто-то встал. Дряхлый, чем-то похожий на старый, обветренный, побелевший от времени ялик. Но кулаки его были плотно сжаты. Это был мой папа.

– Я поплыву за ней! – сказал он, в голосе его кипели гнев и решимость. – Я не боюсь. Червяк не становится больше оттого, что плавает на корабле. Ну, кто еще смелый?

Но никто не вызвался. Люди лишь покачали головами.

– Совсем бедняга из ума выжил! – прошептал кто-то. – Черт побери, да он помрет от старости, прежде чем Белоголовый успеет с ним расправиться.

Папа сделал вид, что не расслышал. Он поднял подбородок, сунул под мышку сеть и пошел прочь. Я поплелась следом.

В нашем поселке дома карабкаются по склонам. Они деревянные: построены из плавня – выловленных в море досок, потому что на острове со строительным лесом туго.

– Папа, ты уверен, что тебе хватит сил? – спросила я, пока мы шли домой. Он слегка прихрамывал после одной охоты. Они в тот раз ловили сачками тупиков, которых в наших краях называют морскими попугаями. Папа поскользнулся в скалах и упал с высоты.

– Может, я и старый, – проворчал он, – но отцом от этого быть не перестал.

Он закрыл лицо руками.

– Малышка… Ты же знаешь, как она всего боится. Представляю, каково ей сейчас! – Он шмыгнул носом, но взгляд его был исполнен решимости. – Завтра в шесть из порта уходит «Полярная звезда». Вот туда-то я и наймусь матросом. Это последнее судно, которое выйдет в море из Синей бухты до начала зимы. Оно делает остановку в Портбурге.

Я вздрогнула: Портбург. Про это страшное место я не раз рассказывала Мики. Именно туда слетаются морские разбойники, пираты и всякий прочий сброд, словно гагарки на скалистый остров.

– Это единственная возможность отыскать и вернуть Мики, – сказал папа, ковыляя по переулку. – А теперь идем домой, поможешь мне собраться.

К вечеру все его вещи лежали наготове у входной двери: мешок с теплой одеждой, несколько рыбных котлет, завернутых в бумагу, ружье и зимние сапоги. Папа осмотрел пожитки и наконец вздохнул.

– Все готово. Ну, я сосну немножко. Разбудишь меня вовремя, ладно?

Я кивнула. Я всегда первой просыпаюсь по утрам: когда в очаге на кухне гас огонь, в комнату проникала стужа и щипала меня за нос. Разворошив золу

кочергой и добавив еще пару полешек, я обычно шла в комнату и старалась растормошить папу, но это было непросто. Мне кажется, дай ему волю, он бы спал под теплой шкурой дни напролет.

Вот и в тот вечер он направился нетвердым шагом к себе в комнату. Отстегнул подтяжки и сел на край кровати. Какой же он стал худой! Словно ветка – серая, сухая и тонкая. Сломать такую не представляет труда.

– Ты плачешь? – спросил папа.

– А если ты не вернешься? – пролепетала я, вытирая щеки. – Если ты… Как же я тут одна?

Он посмотрел себе под ноги, пожевал нижнюю губу и сказал:

– Помнишь, как ты подобрала зимой баклана, у которого замерзли крылья?

Я кивнула.

– А ведь я потом встречал его. Знаешь, что он прилетал сюда?

– Правда? – удивилась я и присела рядышком на кровать. – Когда?

– Прилетал иногда и стучал клювом в окно. Просто поздороваться. Я давал ему кусочки рыбы. Ничего особенного в этом нет, но, понимаешь… поступки человека оставляют следы. Хорошие поступки – хорошие следы. А дурные – плохие. Если я не отправлюсь на поиски Мики, я не смогу жить. Мне будет слишком стыдно.

Он посмотрел мне в глаза.

– Я позволял вам с Мики трудиться больше, чем следовало. И мне было стыдно из-за этого каждый день… Я же не дурак, понимаю, чем такое путешествие закончится. Мне ведь скоро семьдесят стукнет. Но я должен попытаться ее спасти.

Папа погладил меня по щеке. Потом лег прямо в одежде, чтобы поспать хоть немного.

Я понимала, о чем он говорит. Папа знал, что ему не справиться, но предпочитал пойти на риск, лишь бы не оставаться дома и не мучиться угрызениями совести.

Думал ли он обо мне? О моем поступке и следах, которые он оставит? Это же я послала Мики на другую сторону острова! Она просила меня пойти с ней, а я на нее накричала. И теперь вот папе придется отправиться на поиски, а может, и умереть ради нее.

Мне показалось, я пролежала целую вечность, размышляя обо всем этом. В конце концов я решилась. Огонь в очаге почти потух. Тихо, как мышка, прошмыгнула я наверх и подбросила несколько поленьев. Потом надела куртку и зимние сапоги – точь-в-точь такие же, какие были у меня в семь лет и в каких теперь ходит Мики.

«Не бойся, Мики, – подумала я. – Я приду за тобой».

Я вынула из мешка папины вещи и сунула вместо них свой толстый свитер с воротником и пару носков. Потом взвалила мешок на плечи и распахнула дверь. Конечно, я понимала, что мои шансы одолеть Белоголового столь же ничтожны, как и у любого другого. Но я, по крайней мере, не намеревалась умирать в Ледовом море.

«Полярная звезда»

Кит, совсем небольшой, заплыл в гавань во сне. Его спина блестела в лунном свете. В Синей бухте на китов никто не охотится: считается, что это приносит

неудачу. Поэтому киты каждый год с началом холодов собираются в нашей бухте – здесь им нечего опасаться. Они остаются на несколько недель, а потом уплывают на юг – туда, где вода теплее, в такие дальние края, где никто из моих знакомых не бывал.

«Полярная звезда» была двухмачтовым грузовым судном, которое курсировало по одному и тому же маршруту – от острова Тиль до Синей бухты, от Синей бухты до Волчьих островов, от Волчьих островов до Портбурга, а оттуда назад в Тиль. В этом году оно выходило в последний перед зимой рейс.

На палубе не было почти никого из команды. Лишь два человека загружали на борт какие-то бочки, а с причала за ними, прищурившись, наблюдал кот.

Долговязый угрюмый матрос со впалыми щеками подозрительно посмотрел на меня.

– Куда это ты собралась? – поинтересовался он и широким шагом направился в мою сторону. На нем был полушубок с блестящими пуговицами, а в ушах – толстенные золотые кольца.

– Мне надо на корабль, – сказала я. – Хочу добраться до Портбурга.

– Вот как! – проговорил мужчина, разглядывая меня. – И у тебя есть деньги заплатить за поездку, как я понимаю?

– Нет, но я готова все отработать, – ответила я, ведь именно так собирался поступить отец. – Я могу помогать по хозяйству.

Тут и второй моряк повернулся в мою сторону. Оба ухмыльнулись.

– Да что ты говоришь! – рассмеялся один. – Здорово придумано! Но, к сожалению, у нас на корабле нет никакой работы для того, кто еще даже до фальшборта[1 - Фальшборт – ограждение по краям палубы в виде сплошной стенки. Прим. ред.] не дорос. А зачем тебе, кстати, в Портбург? Это не место для малявок.

– Хочу разыскать Белоголового, – ответила я. – Он увез мою сестру. Я хочу забрать ее обратно.

Мужчина побледнел и вытаращил на меня глаза. Никто больше не ухмылялся.

– Белоголового?.. Ты что, совсем…

Моряк запнулся и покосился в сторону темного горизонта, словно боялся, что сейчас оттуда на всех парусах примчится «Снежный ворон». Он сглотнул, а затем покачал головой:

– Убирайся отсюда. В Ледовом море от тебя никакого толку.

– Она может пригодиться мне, – произнес вдруг кто-то громовым голосом. Угрюмый обернулся. За его спиной стоял широкоплечий великан с рыжей лохматой бородой и здоровенным пузом.

Моряк с золотыми серьгами вскинул брови.

– Вот как? На что же, позволь спросить, Фредерик?

Тот, кого звали Фредерик, посмотрел на меня.

– Умеешь чистить брюкву?

– Да.

– А ощипывать птиц?

– Да.

– Чистить рыбу?

– Да.

– Варить горох?

– Да.

– Выбирать червей из хлеба?

Тут я ответила не сразу: черви – что может быть противнее? Но потом я все же кивнула:

– Да.

Фредерик обернулся к угрюмому:

– Видишь, она на многое сгодится. Мне нужен помощник на камбузе, но там так тесно, что приходится искать кого-нибудь поменьше. Вот эта кнопка прекрасно подойдет.

Угрюмый сжал кулаки:

– Кто тут капитан – ты или я?

Фредерик улыбнулся:

– Ты что, боишься, Урстрём?

Этот вопрос взбесил того, кого звали Урстрём, но он не нашел что ответить.

– Фу! Не могу понять, что за блажь тебе в голову пришла!

С тем он и ушел. А Фредерик сделал мне знак следовать за ним. Я подхватила свой мешок и мигом поднялась по трапу на корабль.

Я стояла на палубе, пока мы отдавали швартовы[2 - Отдать швартовы – отвязать судно от причала. Швартов – канат, которым судно привязывается на стоянке. Прим. ред.], и смотрела на Синюю бухту. На наш спящий маленький поселок. Я никогда не покидала его надолго, разве только чтобы поставить сети или собрать ягоды… И вот теперь я отправлялась в далекое плавание в неведомые края, чтобы встретить…

Нет, я не могла думать о том, что мне предстояло, – слишком это было страшно. Вместо этого я подумала о папе. Наверное, он как раз проснулся и обнаружил, что проспал. Вскочил с постели и увидел, что меня нет, и его мешка тоже… Тут-то он все понял. И наверняка пришел в отчаяние. Нет, об этом тоже думать не хотелось. Да у меня и времени не осталось.

– Ну-ка, Кнопка, идем на камбуз, – позвал меня Фредерик. – Нам с тобой через час завтрак подавать.

Кухня на корабле называется «камбуз». Там и в самом деле было тесно. Просто удивительно, как мы вдвоем умещались! Здоровенный котел висел на цепи над выложенным камнями углублением в полу, где едва тлел огонь. Фредерик подбросил поленьев, пламя живо вцепилось в сухие дрова. Потом он набрал воды и налил в котел, а мне велел подсыпать туда изрядную порцию крупы.

– Вот так, – сказал Фредерик и уселся на маленький табурет, – варят кашу на корабле.

Потом наступила тишина. Фредерик больше ничего не говорил, просто смотрел на танцующий огонь и позевывал.

– Хм, а этот Урстрём… – попробовала я немного погодя начать разговор.

Фредерик поднял на меня голубые глаза:

– Что?

– Больно он злой, как считаешь? Не хотел меня брать, прям взъярился из-за этого.

Фредерик улыбнулся и положил ноги на край очага. Видимо, он частенько так делал, потому что кожа на сапогах закоптилась.

– Для того, кто водит грузовое судно, пираты – худшая напасть, – сказал он. – Так что не надейся завести друзей тут, на корабле.

Я не ответила – почувствовала, как желудок словно завязался узлом. Сколько еще пройдет дней, прежде чем мы доплывем до Портбурга! Каково мне будет все это время терпеть недобрые взгляды моряков?

Фредерик догадался, что у меня на душе кошки скребут, и снова улыбнулся:

– Но один-то друг у тебя во всяком случае есть. Так-то.

Он протянул мне огромную ладонь, я смущенно пожала ее, как делают взрослые. Но на самом деле я страшно обрадовалась. Пожалуй, Фредерик – самый замечательный друг, какого можно было встретить на «Полярной звезде».

Морской попугай на ужин

Фредерику никто на корабле не смел перечить – ни матросы, ни даже сам капитан. Мой друг плавал на судне дольше других. Весу в нем было сто кило, не меньше, а росту – метра два, да еще борода отросла до самого пупа.

Но мне он очень нравился. Фредерик был добрый и веселый и следил, чтобы я не слишком уставала. Каждые пятнадцать минут спрашивал, не хочу ли я передохнуть.

И ни разу не заставил выбирать червей из хлеба.

– Так сытнее, – говорил он и подавал хлеб морякам прямо с червями. А я сидела и смотрела, как белые червяки выползают из нарезанной буханки, как они извиваются и сворачиваются то в одну, то в другую сторону. Но когда замечала, как кто-то из матросов отправляет в рот червивый кусок хлеба, у меня на миг темнело в глазах.

У Фредерика было ружье. Он рассказывал, что иногда ему случается подстрелить морского попугая, залетевшего на корабль. В самом деле, иногда

эти птицы усаживались на снасти отдохнуть. Тогда Фредерик бежал за ружьем, и, если ему везло, один из морских попугаев с коротким стуком падал на палубу. Мясо у них было и правда вкусным, нам обоим нравилось. Да и всем другим тоже.

Увы, все складывалось так, как он и предупреждал: никто из команды не был рад, что меня взяли на корабль. Это принесет беду, считали матросы и злились на меня.

Однажды, когда мы закончили после обеда мыть посуду и у нас появилось свободное время, Фредерик захотел проверить ружье: почистить ствол и все такое. Времени до ужина было еще много, и я решила прогуляться. Ветер вцепился мне в волосы, едва я поднялась на палубу. Я встала у борта и стала смотреть на волны. Море поднималось и опускалось – казалось, это дышало большое животное. Я видела, как некоторых матросов рвало от морской болезни, но мне все было нипочем. Как-никак я полжизни прожила на лодке и привыкла к качке.

Но таких высоких волн я никогда не видела. Глядя на огромные валы, начинаешь понимать, что любой корабль, каким бы большим он ни был и сколько бы у него ни было мачт, – лишь маленькая щепка в море.

– А вот и та, которая хочет прикончить Белоголового! – произнес вдруг чей-то голос у меня за спиной. Я оглянулась. На палубе отдыхали трое молодых матросов, двое из них жевали табак.

Я не стала им отвечать, отвернулась и продолжила смотреть на море. Но сразу поняла: эта троица меня в покое не оставит.

– И как ты собираешься это сделать? – поинтересовался один.

– Что? – спросила я не оборачиваясь.

Тогда они поднялись и вразвалочку направились ко мне. Они окружили меня, а один перегнулся через фальшборт и как бы по-дружески заглянул мне в лицо. Физиономия у него была прыщавая, а волосы цвета соломы.

– У тебя есть ружье? – спросил он.

– Нет, – буркнула я. Папину винтовку я оставила дома, когда уходила. Я побаивалась этого ружья: вдруг еще возьмет и выстрелит само по себе.

– Может, тогда у тебя есть нож? – не унимался прыщавый.

– Нет.

Парень развел руками.

– Так как же ты собираешься его убить, если ты с собой даже оружия не взяла?

– Да она его просто пристукнет! – усмехнулся другой, большелобый, с лихо закрученными усами. Он схватил меня за руку и сжал, как будто хотел проверить, насколько сильные у меня мышцы.

– Ого! Не так плохо! Белоголовому не поздоровится!

Двое других зашлись от смеха. Это привлекло других матросов, которые слышали наш разговор и не прочь были присоединиться к веселью.

– Отпусти! – прошипела я и вырвала руку. – Я не собираюсь с ним драться.

– Ого! – заорал кто-то. – Драться!

Старый бородатый матрос с серым морщинистым лицом подошел ко мне.

– Ясное дело, тебе надо потренироваться малёк перед встречей, – пробасил он и закатал рукава. – Ну-ка, посмотрим, как ты мне задашь трепку!

Тут уж все сбежались поглазеть на нашу драку. Я оказалась окружена кольцом матросов, они хохотали и вопили, подначивая меня.

– Отстаньте от меня! – крикнула я и попыталась уйти. Но теперь их собралось так много, что мне было не улизнуть. Я попробовала было протиснуться между

двумя матросами, но они оттолкнули меня.

– Ну же! – поддразнил тот самый шутник, который закатал рукава. Теперь он делал вид, что всерьез намерен драться. – Давай-ка посмотрим, кто кого!

– Деритесь! – кричали все. – Деритесь!

Чтобы вырваться из круга, я ринулась на этого задиру и двинула ему в зубы. Удар был, конечно, слабый, но матрос притворился, что ему сильно досталось: завопил и согнулся в три погибели, будто я ему челюсть свернула. Матросы покатились со смеху.

Я еще раз попыталась выбраться из круга, но мой соперник уже распрямился и заорал так, словно у него сил только прибавилось. Он сжал кулаки, а потом схватил меня и оторвал от земли. Я замолотила ногами и замотала головой.

– Не стану я драться! Не хочу, и всё!

– Скажи это Белоголовому, когда он тебя сцапает! – крикнул кто-то, и все снова засмеялись.

Матрос не унимался.

– Сейчас швырнем тебя в море! – проорал он, изображая пирата, и потащил меня к борту. В отчаянии я закричала что было мочи. Я уже не понимала, игра ли все это или он и впрямь готов осуществить свою угрозу и выбросить меня в море.

Но тут раздался выстрел, от которого зазвенело в ушах. Матрос вздрогнул, ослабил хватку, и я упала на палубу. Кто же это стрелял? Фредерик! Он стоял с ружьем в руках и не отрываясь смотрел на матроса. Тот сразу присмирел – так и застыл с открытым ртом.

– Ты что, в меня стрелял? – не поверил матрос.

– И не думал, – рассмеялся Фредерик и поднял с палубы какой-то комочек перьев. У птицы были перепончатые лапки и красивый разноцветный клюв: сине-желто-красный. Из живота струилась кровь. Фредерик посмотрел на меня:

– Пойдем, Кнопка?

Все еще дрожа, я поднялась на ноги и бросилась к нему. Сердце в груди стучало как сумасшедшее. Фредерик опустил руку мне на плечо. Потом посмотрел на матросов, которые с глупым видом переминались с ноги на ногу.

– Гордитесь, поди, что перепугали ребенка до смерти?

Сначала никто не ответил, но потом один матрос вдруг улыбнулся:

– Да мы просто пошутить хотели. Она и сама поняла наверняка. – И, откашлявшись, добавил: – Ты всегда был метким стрелком, Фредерик. Хорошо бы нам получить немножко дичи на ужин.

Фредерик повесил ружье на плечо и, прежде чем развернуться на каблуках, рявкнул:

– Ты, скотина, получишь на ужин селедку. Эта птица – для тех, кто на камбузе.

И мы пошли в нашу каморку. Я села на табурет и почувствовала, как дрожь вытекает из рук и ног и как сердце постепенно стучит все тише. Мы вместе ощипали птицу, а потом Фредерик отлично ее приготовил: нафаршировал яйцами и изюмом и зажарил над очагом.

– Почему ты такой добрый? – спросила я, когда мы смаковали сочное мясо.

– Добрый? – Фредерик рассмеялся. – Разве?

– Да, – кивнула я. – Ты сам разве не замечаешь?

Фредерик пожал плечами.

– Вот уж не знал, что я добрый, – пробормотал он. – Разве что только с тобой.

– И все же – почему?

– Потому… Потому что мне кажется, тому, кто собрался сразиться с Белоголовым, нужно немного доброты.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Фальшборт – ограждение по краям палубы в виде сплошной стенки. Прим. ред.

2

Отдать швартовы – отвязать судно от причала. Швартов – канат, которым судно привязывается на стоянке. Прим. ред.

Купить: https://tellnovel.com/ru/nil-son_frida/piraty-ledovogo-morya

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить